

«Ганноверская партия» в судьбах Немецкого ордена и Великого княжества Литовского

Подберёзкин Ф.Д.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси, Минск

В традиционной историографии принято рассматривать отношения Великого княжества Литовского и Немецкого ордена с перспективы современной «внешней политики», определяемой «крупными игроками» (великими князьями и магистрами). Такой взгляд не учитывает роль локальных акторов и корпоративных лобби.

Цель статьи – показать на частном кейсе, как ганноверские клирики в Ливонии влияли на принятие важнейших решений в контексте взаимоотношений Ордена и ВКЛ в первой половине XV в.

Материал и методы. *Предпринимается попытка выявить властные и социальные практики «ганноверской партии» на основе анализа материалов документов дипломатического делопроизводства Немецкого ордена.*

Результаты и их обсуждение. *Дерптское епископство во главе с ганноверцем Дитрихом Резелером (1413–1441) играло самостоятельную роль во взаимоотношениях ВКЛ с филиалами Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии. Благодаря влиянию «ганноверцев» вселенский собор в Констанце сделал Витовта «протектором» Дерптского епископства и включил литовского князя в социальные практики, характерные для латинских государей. Защита от «неверных» и «схизматиков» обеспечивала Витовту равный статус с ливонским магистром Ордена в деле восточной «миссии» и уменьшила вероятность «девиантного поведения» – союзов со «схизматиками» или антипапские интриги. Благодаря заступничеству Витовта, Дитрих Резелер обеспечивал интересы «ганноверцев» в Ливонии и защиту от Немецкого ордена. Коммуникативные навыки епископа способствовали реализации проекта перемирия между Немецким орденом, Великим княжеством Литовским и Польшей. В 1429 г. «ганноверцы» предприняли неудачную попытку сместить Немецкий орден на ведущих ролях в Ливонской конфедерации, что не пошатнуло их позиции – Дитрих Резелер посредничал в конфликте Ордена и рижского архиепископа на Базельском соборе и продолжал лоббировать интересы своей семьи.*

Заключение. *Частный кейс Дитриха Резелера показывает, как социальные практики «христианского поведения» при посредничестве ганноверских клириков стали достоянием «новой международной политики» Великого княжества Литовского в первые десятилетия XV в. Личная протекция, коммуникативные навыки и корпоративные интересы «ганноверцев» были решающими факторами, повлиявшими на «литовскую повестку» Констанцского собора (1414–1418), протекторат Витовта над Дерптским епископством (1416), перемирие между Орденом, Литвой и Польшей (1417–1418) и попытку смещения Немецкого ордена в Ливонии (1429).*

Ключевые слова: *Дитрих Резелер, «ганноверская партия», Великое княжество Литовское, Польша, Немецкий орден, Ливония, социальные практики, протекторат.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 53–57)

The “Hanoverian Party” in the Fates of the Teutonic Order and the Grand Duchy of Lithuania

Podberezkin Ph.D.

Yakub Kolas Central Scientific Library of NAS of Belarus, Minsk

Traditional historiography tends to view the relations of the Grand Duchy of Lithuania and the Teutonic Order from the perspective of modern “foreign policy”, which is shaped by “major players” (Grand Dukes and Grand Masters). This view does not take into account the role of the local actors and corporate lobbies. The aim of the article is to show, using a private case study, how Hanoverian clerics in Livonia influenced major decisions in the context of the relationship between the Order and the GDL in the first half of the 15th century.

Material and methods. *The author tries to identify the power and social practices of the “Hanoverian Party” by analyzing the diplomatic records of the Teutonic Order.*

Findings and their discussion. *The Bishopric of Dorpat headed by the Hanoverian Dietrich Reseler (1413–1441) played an independent role in the interrelations of the GDL with the branches of the Teutonic order in Prussia and Livonia. Under the influence of the “Hanoverians”, the Ecumenical Council of Constance made Vytautas Protector of the Bishopric of Dorpat, and incorporated the Lithuanian duke into the social practices typical of Latin sovereigns. Protection from “infidels” and “schismatics” ensured Vytautas equal status with the Livonian magister of the Order in the framework of the Eastern “mission” and reduced the probability of “deviant behavior” – alliances*

with “schismatics” or anti-papal intrigues. Thanks to Vytautas intercession Dietrich Reseler ensured the interests of the “Hanoverians” in Livonia and his own protection from the Teutonic Order. The bishop’s communication skills facilitated the implementation of an armistice project between the Order, the Grand Duchy of Lithuania and Poland. In 1429, the “Hanoverians” unsuccessfully tried to remove the Order from its leading position in the Livonian confederation, but this did not shake their position. Dietrich Reseler mediated the conflict between the Order and the Archbishop of Riga at the Council of Basle, and continued to lobby his family.

Conclusion. The private case of Dietrich Reseler shows how the social practices of “Christian behavior” through the mediation of Hanoverian clergy became the property of the “new international policy” of the Grand Duchy of Lithuania in the first decades of the 15th century. Personal patronage, communication skills and corporate interests of the “Hanoverians” became the decisive factors that influenced the “Lithuanian agenda” of the Constance Cathedral (1414–1418), Vytautas’ protectorate over the Dorpat Bishopric (1416), a truce between the Order, Lithuania and Poland (1417–1418) and an attempt to remove the German Order in Livonia (1429).

Key words: Dietrich Reseler, “Hanoverian Party”, Grand Duchy of Lithuania, Poland, Teutonic order, Livonia, social practices, protectorate.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 53–57)

Несмотря на иронию действующих классиков немецкой медиевистики [1, S. 7], парадигма cultural turn прочно утвердилась в исследованиях остзейского региона [2; 3]. Данной парадигме характерен акцент на ситуативных стратегиях и отрицание внешне-политической программы [4] как модели интерпретации действий локальных акторов [3, S. 306–307]. Ситуативные стратегии хорошо прослеживаются в отношениях между Дерптским епископством, русскими землями, Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ) и Немецким орденом. Начиная с 1224 г. епископы Дерпта самостоятельно выстраивали свои отношения со Псковом, Новгородом и ВКЛ. С одной стороны, существовала определенная модель поведения в рамках отношений Немецкий орден – русские земли – ВКЛ – Дерпт, характерных для епископства в силу территориального расположения и властного ресурса. С другой – ряд важных решений (не только для Дерпта, но и для восточноевропейского региона в целом) определялся корпоративными связями и персональным лобби одного из представителей Ливонской конфедерации. Последний аспект редко учитывается в исследованиях «большой политики» Гедиминовичей и магистров Немецкого ордена.

Цель статьи – попытка интерпретации взаимоотношений Немецкого ордена, ВКЛ и Дерптского епископства с точки зрения корпоративной истории.

Материал и методы. Основным источником для настоящего исследования послужила корреспонденция Немецкого ордена. Большая часть использованных писем (за исключением трех, хранящихся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия) опубликована в четвертом, пятом и восьмом томах сериального издания «Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch». Предпринимается попытка выявить властные и социальные практики «ганноверской партии» на основе сравнительного анализа указанных документов.

Результаты и их обсуждение. Для решения поставленной задачи избран кейс епископа дерптского Дитриха Резелера (1413–1441). Его деятельность на епископской кафедре хорошо представлена в документах орденского делопроизводства. Основные вехи карьеры Дитриха рассматриваются в публикациях Бригиды Шварц [5; 6], Бернхарда Йенига [7] и Томаса Шварка [8]. В период с 1410 по 1460 г. клирики из Ганновера преобладали на ключевых церковных позициях в северной Германии и Ливо-

нии. Помимо Дитриха Резелера «ганноверскую партию» в Ливонии представляли епископ Эзеля Лудольф Грове (Ludolf Grove, 1438–1458), домпробст кафедрального собора в Риге Дитрих Нагель (1439–1468/69), домдекан Эзеля Лудольф Нагель (1458–1469) и ряд других клириков в Дерпте, Риге и на Эзеле [9, S. 256–257]. «Ганноверцы» представляли интересы ливонских епископств на соборе в Констанце (1414–1418), где обсуждались противоречия Польши, Великого княжества Литовского и Немецкого ордена. Изучение деятельности Дитриха Резелера позволит выяснить, в какой степени набор социальных практик ганноверских клириков влиял на взаимоотношения субъектов Ливонской конфедерации, Великого княжества Литовского и Немецкого ордена в первой половине XV в.

14 апреля 1413 г. папа Иоанн XXIII назначил своего казначея, магистра Дитриха Резелера на вакантную должность епископа Дерпта [10, S. 91; 11, p. 472]. Понтифик отверг кандидатуру графа Гюнтера фон Шварцбурга, предложенную братьями Немецкого ордена [12, Nr. 1937]. Ставка на Дитриха могла быть обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, папский финансист представлялся оптимальным вариантом на должность ливонского коллектора, коим в то время являлся епископ Дерпта [6, S. 259; 12, Nr. 1937]. Во-вторых, весной 1413 г. началась подготовка к Вселенскому собору в Констанце [13, S. 170] – Иоанн XXIII собирался заручиться поддержкой «своих» клириков со стороны ливонских епископств. В-третьих, в Констанце обсуждался конфликт Немецкого ордена с Польшей и Литвой. Возможно, Дитрих Резелер планировался как медиатор враждующих сторон, т.к. не был связан ни с Орденом, ни с Гедиминовичами. В письме прокуратора Немецкого ордена в Риме великому магистру Михаэлю Кюхмайстеру от 12 апреля 1416 г. находим первое упоминание о булле собора в Констанце, согласно которой великий князь литовский Витовт становился протектором Дерптского епископства ([14, Nr. 2127]. По-видимому, здесь указана неверная датировка письма – 04.04.1417. В соответствующем архивном деле Тайного государственного архива прусского культурного наследия (GStAPK) дата исправлена на 12.04.1416 [15, Nr. 2323] – в дальнейшем мы исходим из данной датировки). Что подразумевалось под протекцией («Schirmherrschaft»)? Почему на роль протектора был выбран Витовт? Зачем епископу Дерпта понадобился протекторат?

Понятие протектората понимается в литературе довольно однозначно: государи, прелаты, другие свободные люди с силой и достатком, с определенными условиями, обеспечивают защиту и «мир» более низких по статусу политических субъектов (чаще – подданных). Новые социальные связи или «бонды» («social bonding»), которые образуются в результате установления института протектората, являются предметом особого внимания в современной медиевистике [16]. Чем сильнее социальные «бонды» (привязанности, обязательства, вовлеченность, мораль и верования), тем менее вероятным является девиантное поведение контрагента [17]. В корреспонденции Немецкого ордена пересказывается содержание буллы собора в Констанце, откуда следует, что епископ может обращаться к великому князю Витовту «в случае нужды» для него лично и для церкви [14, №. 2119], «против русских и неверных» ([14, №. 2127]. В письме прокуратора от 28 апреля 1416 г. Витовт «должен защищать» Дерпт только «от русских» [18, №. 2328]). Учитывая, что упомянутые выше письма магистра ливонского филиала Немецкого ордена, великого магистра и орденского прокуратора в Риме цитируют содержание буллы и устных переговоров периода Констанцкого собора [14, №. 2119, 2127], можно полагать, что содержание соборной дискуссии по поводу Дитриха Резелера в орденской версии передано в целом верно.

В письме 12 апреля 1416 г. указывалось, что на соборе «многие считали, что было бы добрым делом поручить герцогу Витовту защищать церковь от русских и неверных». Орденскому прокуратору не удалось оспорить мнения, что «поляки сделали герцога Витовта хорошим христианином» [там же]. Таким образом, посредством протекции Дерптского епископства, вселенский собор в Констанце включал Витовта в социальные практики, характерные для латинских государей. С одной стороны, защита от «неверных» и «схизматиков» обеспечивала Витовту престиж и равный статус с ливонским магистром Ордена в деле восточной «миссии». С другой – новые обязательства укрепляли связи Витовта с папской курией, что делало минимальными возможные «девиации»: например, союзы со «схизматиками» или антипапские интриги.

Что означал протекторат для епископа Дерпта? Дитрих Резелер по своей инициативе добился письменного оформления условий протектората в специальной булле собора для Витовта [14, №. 2121; 18, №. 2328; 19, 2331]. «Русская угроза» не была риторическим оборотом – пограничные конфликты с псковичами фиксируются в источниках с самого начала правления Дитриха [14, №. 2119]. Однако не случайно в булле помимо «русских» и «неверных» фигурировали неопределенные «и все другие» [19, №. 2331] – видимо, подразумевался Немецкий орден в Ливонии, для которого неуправляемый папский ставленник в союзе с Витовтом был конкурентом в рамках конфедерации. Поэтому братья препятствовали получению буллы непосредственно великим князем литовским [14, №. 2119]. Помимо личных интересов Дитрих обеспечивал интересы других клириков «ганноверской партии». К моменту свержения папы Иоанна

XXIII (1415) среди ближайших сподвижников Резелера из Ганновера был коллектор в Ливонии, Пруссии и Польше Бертольд Рике, а также юрист Иоганн Шеле, который представлял интересы ливонских епископств на соборе в Констанце [6, S. 260]. Потеряв патрона в лице римского папы, «ганноверцы» приобрели протектора в лице в великого князя литовского. Последнего еще предстояло ввести в «бонд» протектората, т.е. сделать «хорошим христианином». Возможно, с этой целью Дитрих вел переписку с виленским епископом [14, №. 2137].

Представляется, что булла Констанцкого собора (1416) являлась первой успешной трансляцией латинского обычая протектората на властные практики Гедиминовичей. Дело было не только в союзе против русских или Ордена. Соглашаясь быть протектором, Витовт становился покровителем «ганноверской партии», которая контролировала церковную жизнь и финансы в Пруссии, Ливонии и Польше. Великий князь учился выстраивать выгодное сотрудничество с более низким по статусу контрагентом, который при этом оставался суверенным владельцем. Годы спустя, в письме великому магистру 1427 г. Витовт писал, что является протектором великого князя московского Василия II и его матери Софии Витовтовны [20, №. 1298]. Таким образом, обычай протектората оказался одним из удачных «культурных трансферов» последних десятилетий правления Витовта.

В марте 1417 г. дерптскому епископу представилась возможность использовать преимущества нового статуса. Дитрих Резелер разработал проект перемирия между Немецким орденом (с одной стороны) и Великим княжеством Литовским и Польшей (с другой), затем отправил посольство к Витовту [14, №. 2137, 2119, 2126]. Немецко-балтийский историк Пауль фон Остен-Сакен подчеркивал, что от перемирия выигрывал только сам епископ: в случае противостояния Ордена (дружественного Пскову) и Литвы, великий князь Витовт не мог помочь своему подзащитному против агрессивно настроенных псковичей [21, S. 80]. Сам Витовт, как и польский король Владислав, был скептически настроен к идее очередного «ненадежного», «невечного» и «бесполезного» перемирия [14, №. 2134]. Преимущества перемирия не были очевидны и для руководства Ордена [14, №. 2142]. Достижению согласия не способствовала переписка Витовта с Псковом и Новгородом, где литовский князь требовал от русских напасть на Ливонию [там же; 21, S. 81]. Почему в таком случае стороны согласились на временное урегулирование [14, №. 2144]?

Ливонский магистр Зигфрид фон Шпанхайм, уговаривая великого магистра Михаэля Кюхмайстера принять проект епископа, писал (2 июня 1417 г.): «Если не выйдет так, что с нашей стороны перемирие будет одобрено... то мы очень боимся, что господин епископ как человек именитый при римском дворе и для некоторых господ и князей, поработавший много в этом деле [проект перемирия. – Ф.П.]... напишет ко двору [римскому. – Ф.П.] или куда-либо еще, обвиняя нас, что мы не хотим перемирия, одобренного уже князьями и господами, желая войны» [14, №. 2142]. Несмотря на то, что покровитель

«ганноверцев» папа Иоанн XXIII был смещен (1415), им удалось установить добрые отношения с папой Мартином V и обеспечить дальнейший карьерный рост [6, S. 260]. Опасения ливонского магистра свидетельствуют, что в Ордене знали о влиянии соратников Дитриха в папской курии. Под «князьями и господами» подразумевались участники Констанцского собора. Из более ранних писем Зигфрида фон Шпанхайма следует, что собор высказывал заинтересованность в скорейшем урегулировании конфликта [14, Nr. 2133]. Это было одним из условий назначения Дитриха епископом и решения о назначении протектора. Таким образом, Дитрих реализовывал проект перемирия, опираясь на поддержку собора и влиятельных «ганноверцев» в папской курии. Вот почему дерптский епископ, обладая сравнительно минимальным силовым ресурсом в пределах Ливонской конфедерации, мог влиять на принятие судьбоносных решений для Немецкого ордена, Великого княжества Литовского и Короны Польской.

Обратим внимание на коммуникативные навыки Дитриха Резелера и его соратников. Ливонский магистр, находившийся в неприязненных отношениях с дерптским епископом, тем не менее отмечал последнего как «дружественного посредника» [там же]. Братья Ордена и сам Витовт писали о «замечательном» составе посольства дерптского епископа – магистра канонического права Иоганна Шеле и рыцаря Дитриха фон дер Рупе (Diderike van der Rupe) [там же, Nr. 2119, 2126]. Можно было бы утверждать, что это не более чем «сухие» дипломатические формулировки, если бы не одно обстоятельство. Витовт сам признал, что решился на перемирие под влиянием «высоких» речей послов [там же, Nr. 2134]. Ключевую роль в переговорах о перемирии 1417–1418 гг. играл юрист Иоганн Шеле; рыцарь же говорил мало, выступал в роли курьера и периодически менялся на другую кандидатуру [там же, Nr. 2133, 2140, 2228, 2252]. Иоганн был доверенным лицом Дитриха – они познакомились еще в Ганновере, оба служили папе Иоанну XXIII с 90-х гг. XIV в. и закончили элитный Болонский университет со степенью *doctor decretorium* [6, S. 257–258]. Богатый опыт ведения переговоров, широкая канцелярская и правовая компетенция Иоганна позволили склонить великого князя литовского поддержать проект перемирия.

Несмотря на вмешательство римского короля Сигизмунда [14, Nr. 2150], основную работу в деле продления перемирия в 1417 и 1418 гг. выполнил дерптский епископ Дитрих Резелер [14, Nr. 2145, 2224] (он получил от великого магистра 2 бутылки вина [там же, Nr. 2265]). Заслуги другого «ганноверца», магистра Иоганна Шеле также не остались незамеченными – в 1420 г. он стал епископом Любека, а также папским коллектором «северных королевств», Пруссии и Ливонии [6, S. 260].

Одним из «ганноверцев», которые обязаны своей карьерой в Ливонии Дитриху Резелеру, был каноник Дитрих Нагель из Риги. В 1429–1431 гг. он представлял рижский кафедральный капитул при папской курии [22, S. 498, 500]. В 1429 г. прокуратор Немецкого ордена Каспар Вандофен перехватил письмо Дитриха

Нагеля канонику Арнольду Бренкелю. Согласно этому письму, Нагель с ведома рижского архиепископа Хеннинга собирался сделать Витовта протектором рижской церкви [23, Nr. 69]. Не сохранилось и перехваченное письмо, и возможная переписка рижан с Витовтом на счет протектората. Можно полагать, что Дитрих Нагель собирался осуществить тот же проект протектората для рижской церкви, что и его покровитель Дитрих Резелер для Дерптского епископства в 1416 г. По интерпретации Вандофена, заговорщики планировали создать «тайный союз» рыцарей и кнехтов при протекторате Витовта и поддержке датского короля в Ливонии [там же]. Учитывая, что соратники Дитриха в Ливонии находились под покровительством папы Мартина V [там же, Nr. 819, 852], дело могло закончиться захватом конфедерации «ганноверцами» при гарантированной внешней поддержке и без каких-либо санкции со стороны курии. Сместем предположить, что главным автором «заговора» был Дитрих Резелер, который опирался на позитивный опыт сотрудничества с Витовтом. В случае успеха начинания он получал доминирующие роли в Ливонии – ему как представителю первой генерации «ганноверцев» своей карьерой были обязаны младшие клирики, в том числе и Дитрих Нагель [22, S. 601]. Две исторических случайности – перехват переписки заговорщиков в 1429 г. и смерть великого князя Витовта в 1430 г. – поставили крест на планах «ганноверцев» сместить Немецкий орден и возглавить Ливонскую конфедерацию.

В течение десятилетия правления после смерти Витовта (1431–1441) Дитрих Резелер не предпринимал каких-либо самостоятельных политических проектов. Магистр Немецкого ордена в Ливонии сделал все возможное, чтобы дерптский епископ и рижский архиепископ не заключали самостоятельного союза с великим князем Свидригайло [23, Nr. 551, 561]. Опытный дипломат, Дитрих согласился стать посредником в конфликте рижского архиепископа и Ордена, который обсуждался на Базельском соборе [23, Nr. 819, 837, 852, 991, 1010]. Последние годы жизни Дитрих занимался преимущественно делами собственной семьи [там же, Nr. 916] и остался в стороне от «большой политики» времен династической войны в Великом княжестве Литовском [9].

Заключение. История успеха, авантюры и неудач «ганноверской партии», проектов Дитриха Резелера и великого князя Витовта представляет собой культурный срез моделей поведения, характерных для политических элит Великого княжества Литовского и Ливонии в условиях победившей «вестернизации» Литвы. Если и можно говорить о «внешней политике» в Восточной Европе первой половины XV в., то речь идет о конкуренции корпораций и социальных «бондов», далеко превосходивших границы династических владений и епископских диоцезий. Рассмотренный кейс показывает, как социальные практики Дитриха Резелера и его окружения стали достоянием «абсолютно новой международной политики» (Римвидас Петраускас) Гедиминовичей, где кроме распространения документа и администрации [24], определяющую роль стало играть такое понятие, как «христианское поведение».

Это значило, что принятие решений зависело от усвоенных правил коммуникации. Работая с папой Иоанном XXIII, Дитрих Резелер получил опыт ведения переговоров и самоорганизации в конфликтных ситуациях. По инициативе епископа Констанцкий собор издал буллу о протекторате великого князя литовского Витовта над дерптской церковью. «Защита» церкви была не только максимой «христианского поведения»: она была «культурным трансфером» новых социальных связей для Витовта и его наследников. В условиях протектората Дитрих сумел реализовать проекты перемирия между Немецким орденом, Великим княжеством Литовским и Польшей, выгоды которого не были очевидны ни для одной сторон. Успех дела был обусловлен двумя факторами. Во-первых, епископ воспользовался международными связями среди участников Констанцкого собора («ганноверское лобби»). Во-вторых, решающую роль на переговорах с Витовтом сыграл дипломатический дар соратника Дитриха – юриста Иоганна Шеле, чьи «высокие речи» убедили литовского князя. В контексте Священной Римской империи юристы начали играть определяющую роль в решении политических конфликтов лишь со второй половины XV в. [25]. В данной связи можно говорить, что переговоры епископа с Витовтом были «пробным камнем» раннеמודерной дипломатии, где решающую роль играли уже не встречи аристократов, а кропотливая канцелярская работа консилиума профессиональных дипломатов и юристов. Провал проекта «тайного союза» рыцарей и кнехтов Ливонии при покровительстве Витовта свидетельствует о потенциале, характерном для протектората как нормы «христианского поведения». Только вследствие случайного стечения обстоятельств 1429–1430 гг. (смерть Витовта и перехват переписки Иоганна Нагеля) политическая карта Ливонской конфедерации осталась прежней.

Настоящий очерк эпизодически рассматривает деятельность «ганноверцев» в связи с литовско-ливонскими контактами эпохи Витовта. Тема взаимоотношений ганноверских клириков с Великим княжеством Литовским и Русью, их «корпоративной» внешней политики вплоть до конца XV в. еще ждет своего исследователя.

Литература

1. Paravicini, W. Die Wahrheit der Historiker / W. Paravicini. – München: Oldenbourg, 2010. – 98 s.
2. Auge, O. Handlungsspielräume fürstlicher Politik im Mittelalter. Der südliche Ostseeraum von der Mitte des 12. Jahrhunderts bis in die frühe Reformationszeit / O. Auge. – Ostfildern: Jan Thorbecke, 2009. – 543 s.
3. Selart, A. Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert / A. Selart. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2007. – 373 s.
4. Kubon, S. Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393–1407) / S. Kubon. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016. – 367 s.
5. Schwarz, B. Alle Wege führen über Rom. Eine «Seilschaft» von Klerikern aus Hannover im späten Mittelalter: Dietrich Reseler, Bischof von Dorpat, Johann Schele, Bischof von Lübeck, Ludolf Grove, Bischof von Ösel / B. Schwarz // *Hannoversche Geschichtsblätter. Neue Folge.* – 1998. Bd. 52. – S. 5–87.
6. Schwarz, B. Eine «Seilschaft» von Klerikern aus Hannover im Spätmittelalter / B. Schwarz // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken.* – 2001. – Bd. 81. – S. 256–277.
7. Jähnig, B. Dietrich Reseler von Northeim/Nortun, Northem (um 1365–1441). 1402–1413 Generalvikar des Bischofs von Minden. 1413–1441 Bischof von Dorpat / B. Jähnig // *Die Bischöfe des Heiligen Römischen Reiches 1198 bis 1448. Ein biographisches Lexikon.* Hrsg. von E. – Gatz. Berlin: Dunker und Humblot, 2001. – S. 151.
8. Schwark, T. Reseler, Dietrich / T. Schwark // *Stadtlexikon Hannover. Von den Anfängen bis in die Gegenwart.* Hrsg. von K. Mlynec, W.R. Röhrbein, Hannover, 2009. – S. 521.
9. Полехов, С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С.В. Полехов. – М.: Индрик, 2015. – 709 с.
10. Arbusow, L. Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahrhundert / L. Arbusow // *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik,* 1901. – Mitau, 1902. – S. 1–160.
11. Hierarchia catholica Medii Aevi. Vol. I / Ed. C. Eubel. – Monasterii: Librariae Regensbergianae, 1913. – 558 s.
12. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch (LUB). Bd. 4 / Hrsg. von F.G. Bunge. – Reval: Kluge und Ströhm, 1859. – 645 s.
13. Acta Concilii Constanciensis. Bd. 1. Akten zur Vorgeschichte des Konstanzer Konzils (1410–1414) / Hrsg. von Heinrich Finke. – Münster i W.: Regensbergsche Buchhandlung, 1896. – 1024 s.
14. LUB. Bd. V. Heft 1 / Hrsg. von F.G. v. Bunge. – Reval: Kluge und Ströhm, 1862. – 667 s.
15. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStAPK). – XX. Hauptabteilung. – Ordens-Briefarchiv (OBA). – № 2323.
16. Lambert, T.B. Introduction: some approaches to peace and protection in the Middle Ages / T.B. Lambert // *Peace and protection in the Middle Ages.* Ed. T.B. Lambert, D.W. Rollason. – Durham: University Press, 2009. – Pp. 1–18.
17. Chriss, J.J. The functions of the social bond / J.J. Chriss // *Sociological Quarterly.* – 2007. Vol. – 48(4). – Pp. 689–712.
18. GStAPK. – OBA – № 2328.
19. GStAPK. – OBA – № 2331.
20. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430 // Ed. A. Prohaska. – Cracoviae: Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. – 1113 s.
21. Osten-Sacken, P. von. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen (1392–1430) / P. von Osten-Sacken. – Riga: W.F. Hacker, 1908. – 123 s.
22. Schwarz, B. Prälaten aus Hannover im spätmittelalterlichen Livland: Dietrich Nagel, Dompropst von Riga (+ Ende 1468/Anfang 1469), und Ludolf Nagel, Domdekan von Ösel, Verweser von Reval (+ nach 1477) / B. Schwarz // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* – 2000. Bd. 49. Nr. 4. – S. 495–518.
23. LUB. Bd. VIII / Hrsg. von H. Hildebrand. – Riga, Moskau: J. Deubner, 1884. – 724 s.
24. Груша, А.И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV– первая треть XVI в.) / А.И. Груша. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2019. – 598 с.
25. Moraw, P. Über gelehrte Juristen im deutschen Spätmittelalter / P. Moraw // *Mediaevalia Augiensia. Forschungen zur Geschichte des Mittelalters.* Hrsg. von J. Peterscha. – Stuttgart: Jan Thorbecke, 2001. – S. 125–149.

Поступила в редакцию 30.03.2023